

DOI 10.32342/2523-4463-2018-0-15-149-155

УДК 821.111;152.1

Т.Ю. МИРОНОВА,
*преподаватель кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

В ПОИСКАХ САМОСТИ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОЭМЫ П. МАЛДУНА «ИММРАМ»

В статье рассматривается психоаналитический подход теорий К. Юнга и Э. Эдингера к изучению современной североирландской поэзии на материале поэмы П. Малдуна «Иммрам». Автор анализирует психоаналитические аспекты «путешествия» героя: процесс «индивидуации» на пути к достижению архетипа Самости в контексте Нового Завета.

Ключевые слова: П. Малдун, поэма, психоанализ, архетип, самость, индивидуация, христианский миф, Новый Завет, постмодернизм.

В 70–80-е годы XX в. новой сенсацией в культурных кругах становится книга американского психоаналитика-юнгианца Э. Эдингера «Эго и архетип» (1972) [1], в которой он переосмысливает все религиозные истины в психологическом контексте новой эры. По нашему наблюдению, это культурное явление не обошло стороной творчество североирландского и американского поэта П. Малдуна (род. в 1951 г.), которое развивалось в этот период на фоне этнополитического конфликта между «националистами»-католиками и «юнионистами»-протестантами в Северной Ирландии (апогеем конфликта стало «Кровавое воскресенье» 30 января, 1972). Североирландский конфликт был не только социальным импульсом творческого пути П. Малдуна, но и источником актуализации и артикуляции таких структур сознания как самоидентификация, индивидуальное сознание, коллективное национальное самосознание и т.д.

В данной статье мы впервые попытаемся адаптировать теории К. Юнга и Э. Эдингера применительно к современной поэзии и выявить новые возможности исследовательской интерпретации в рамках психоаналитически ориентированного литературоведения на материале одной из поэм П. Малдуна «Иммрам».

Название поэмы «Иммрам» ('Immram' из сборника 'Why Brownlee Left', 1980) отсылает читателя к древнеирландской легенде периода христианизации Ирландии, – «Странствия Мэл Дуина» («Immram Mael Duin»). В эпической литературе древней Ирландии путешествие символизирует путь души, цикл познания, который она должна пройти [2]. Поэма демонстрирует преемственность англо-ирландских литературных традиций (мотивы «странничества», «изгнания», тема «отец-сын», поиск национальной идентичности) и представляет собой, как нам кажется, «психоделическое» путешествие лирического героя с целью познания своего «Я», своих «истинных» родителей, отца и матери. Богатая символическая палитра, сконцентрированная вокруг фрагментарных образов-переживаний лирического героя, позволяет провести немало аналогий с процессом «индивидуации» личности в понимании архетипической психологии К. Юнга, то есть, как пишет Е.М. Мелетинский, «постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности, вплоть до их окончательной гармонизации в конце жизни» [3]. Внутренняя организация сюжета поэмы «Иммрам» строится, как мы полагаем, в неуклонном движении от архаичных мифов, представляющих «предличностный» мир человека, которым правит Вели-

кая Уроборическая Мать, Богиня созидания и разрушения (с 1 по 15 строфы), к библейскому мифу о Христе Нового Завета, как плану реализации совершенства, внутреннего преобразования человека (с 16 по 30 строфы).¹

По мнению психоаналитика Э. Эдингера, образ Иисуса и его богатый символизм имеют большое количество параллелей с процессом индивидуации. «Фактически, если внимательно изучить христианский миф, – пишет Эдингер, – «в свете аналитической психологии, то неизбежен вывод, что глубинный смысл христианства в пути индивидуации» [4, с. 131]. Образ Христа является, по мнению К. Юнга и Э. Эдингера, символом Самости – центрального организующего принципа и центрального архетипа психики. Эдингер описывает Самость, как «упорядочивающий и объединяющий центр всеобщего психического начала (сознательного и бессознательного)» [1, с. 10]. «Самость – это область объективной личности. Высший авторитет, подчиняющий себе Эго» [4, с. 3]. «Самость связана с «мотивами целостности, тотальности, союза противоположностей, основного порождающего принципа, центра мира, оси вселенной» [4, с. 4]. В религиозном смысле, Самость – это образ Божественного. Это Супер-Эго или идеальное Эго². Самость парадоксальна; так как включает в себя всю психику и, одновременно, является центральной сущностью, вокруг которой формируется психика человека. В поэме «Иммрам» лирический герой постоянно находится в состоянии напряжения, на грани психической деформации, но под руководством Самости он совершает паломничество к познанию архетипа целостности (по К. Юнгу), как одного из возможных путей спасения и возрождения. Этот процесс индивидуации героя рассмотрим в контексте Нового Завета, следуя за движением стиха.

I came to, under a steaming pile of trash /In the narrow alley-way/ Behind that old Deep Water Baptist mission / Near the corner of Sixteenth and Ocean –/ A blue-eyed boy, the Word made flesh/ Amid no hosannahs nor hallelujahs/ But the strains of Blind Lemon Jefferson / That leaked from the church/ Through a hole in a tiny, strained-glass window,/ In what was now a torrent, now had dwindled [5, p. 98].

В 16 строфе поэмы «Иммрам» анима Земли, Непорочная Мать, рождает Логоса-духа-сына, 'a blue-eyed boy' («голубоглазого мальчика»), помазанника Божьего, которому по христианским преданиям дали имя Иисус Христос. Манифестацией высшего авторитета, невидимого отца и явления божественного сына, несущего истинный свет человечеству: мудрость и культуру, свидетельствует изречение Иоанна – 'The Word became Flesh' (в поэме: 'the Word made flesh') – «Слово стало человеком»³. По христианским верованиям, Бог говорит с людьми посредством библейских текстов, Священного Писания, записанного пророками и апостолами. Учение Христа является Словом Божиим, которое, по всеобщему признанию, содержит план реализации совершенства, внутреннего преобразования человека. К. Юнг и его последователь Э. Эдингер подробно исследовали образ Христа как символа Самости. Уникальность библейского мифа об Иисусе Христе состоит в утверждении о парадоксальной двойственности его природы: он – Бог, но и человек, причём идеальный человек, жизнь которого является образцом для подражания. «Образ Христа», – пишет Э. Эдингер, – дает нам яркую картину самостно ориентированного Эго, то есть индивидуированного Эго, которое сознает, что Самость руководит им» [1, с. 137]. Свидетельством о состоянии самостного признания лирического «Я» в стихотворном фрагменте также является реминисценция библейского факта крещения Иисуса Иоанном Крестителем: (в поэме 'old Deep Water Baptist mission'). Таким образом, через библейский миф о рожде-

¹ Первая часть анализа поэмы представлена в статье: Миронова Т.Ю. Поэтика архетипа матери в поэме Пола Малдуна «Иммрам» (мифокритический анализ) / Т.Ю. Миронова // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. – 2015. – Вип. 15(2). – С. 10–14.

² Супер-Эго – сверх-Я является одним из основных элементов, образующих, согласно З. Фрейду, структуру личности; это система моральных инструкций и запретов, моральная цензура сознания, канон ценностей, который прививает ребенку отец-воспитатель.

³ «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Богом. Оно было в начале у Бога. Все, что существует, было сотворено через Него, и без Него ничего из того, что есть, не начало существовать. В нем заключена жизнь, и эта жизнь – свет человечеству» (Ин.1; 1–4). «Слово стало человеком и жило среди нас. Мы видели Его славу, славу, которой наделён Единственный, полный милости и истины, пришедший от Отца» (Ин.1;14) [6].

нии божественного ребенка Иисуса Христа и его крещении, устанавливается связь лирического героя с сверхличностным источником – отцом «небесным». Но любовь отца нужно заслужить, поскольку он является тем, кто наказывает и вознаграждает. Невидимый «отец» ставит перед сыном задачи, которые он должен выполнить.

После крещения Иисуса Христа, как повествуется в Евангелиях, происходят события, которые не сулят ничего хорошего: с небес сходит «Дух Божий», который превращается в искусителя-дьявола. Испытание Христа, передающее, по наблюдениям Э. Эдингера, «опасность встречи с Самостью», своеобразно воплощается в личной мифологии Пола Малдуна.

And honking to Blind Lemon's blues guitar/ Was a solitary, black cat/ Who would have turned the heads of Harlem./ He was no louder than a fire-alarm,/ A full-length coat of alligator,/ An ermine stole, his wide-brimmed hat/ Festooned with family heirlooms./ I watch him trickle a fine, white powder/ Into his palm, so not a grain would spill,/ Then snort it through a rolled-up dollar bill [5, p. 99].

Причудливое порождение фантазий поэта Пола Малдуна связывает мифологическую сцену уединения Иисуса Христа в пустыне для испытания дьяволом с «кричащим звуком» блюз-гитары техасского музыканта Блайнда Лемона Бжефферсона. Искуситель героя предстаёт в образе одинокого «темнокожего парня», любителя «блюзовых интонаций» афроамериканской музыки, одежды которого отражают двойственную сущность духовного «отца». «Дьявол-искуситель» одет в «плащ из крокодиловой кожи⁴» – в мантию дракона⁵, в «меховую накидку из горностая», ассоциируемую в современном социокультурном аспекте с членом верховного суда, а его «широкополая шляпа, украшенная фамильными реликвиями» является ничем иным как символом фальшивой «императорской» власти. Животные, участвующие в формировании пугающего образа «Самости» ('a black cat', 'alligator', 'ermine'), являются маской, за которой скрывается хищническая сущность искусителя.

В Евангелиях говорится, что «дьявол» искушает Христа предложением броситься с вершины иерусалимского храма, чтобы в воздухе быть поддержанным ангелами и этим доказать свое богосыновство⁶. В поэме этим испытанием является предложение попробовать чудодейственный «белый порошок», а именно наркотик, который содержит в себе «прерогативы» сверхчеловеческого знания и могущества. Чтобы добиться полного доверия соблазненного, «ангелы сатаны» – наркотики – принимают в тексте художественные и языковые коннотации, соединяя «наркотическую» культуру с высокой художественной литературой, шедевром английской классики – пьесой У. Шекспира «Буря».

This was angel dust, dust from an angel's wing/ Where it glanced off the land of cocaine,/ Be that Bolivia, Peru./ Or snow from the slopes of the Andes, so pure/ It would never melt in spring./ But you know how over every Caliban/ There's Ariel, and behind him, Prospero;/ Everyone taking a cut, dividing and conquering/ With lactose and dextrose, / Everyone getting right up everyone else's nose [5, p. 99].

Через наркотики, как средство активизации подсознательного, совершаются путешествия в таинственный «трансцендентный» мир человеческих мыслей, где все сливается воедино, где стираются границы между реальностью и фантазией, вымыслом и действительностью, что, по психоаналитической теории, ведёт к полной деструктивности личности. Но по законам художественного творчества опиум сродни силе воображения, «под которой мы понимаем», по мысли английского романтика Т. Кольриджа, «способность соединять по одному или нескольким общим признакам образы, в целом взаимоисключающие» [8, с. 296]. Ответ на вопрос о значимости связи искусства с «духом Святым», мы находим в эстетических лекциях все того же Т. Кольриджа, который приравнивает силу воздействия поэтического воображения к силе воздействия религии⁷. Но искусство и религия могут быть

⁴ «Кожаные одежды» – знак падения в библейской символике.

⁵ Психолог Эппли утверждал, что крокодил подобен дракону, который «является негативным символом наших внутренних энергий, нашей тупой, злобной жизненной установки в глубине коллективного бессознательного» [7, с. 136].

⁶ «Если ты Сын Божий, то бросься вниз. Ведь написано же: «Ангелам своим повелит, и они на руках понесут Тебя, чтобы Ты не споткнулся о камень» (Матф.4; 6) [6].

⁷ «Больше всего их роднит то, что как поэзия, так и религия преследуют цель улучшения нашей природы путём открытия бесконечной перспективы для совершенствования и заостряют на ней наше внимание. Они словно просят нас, сидящих в темноте каждый перед своим очагом, взглянуть на горные вершины и, споря с мраком, возвестить тот единственный свет, общий для всех, при котором помыслы одного будут направлены на общее благо, и всякий человек станет тебе ближе, чем брат» [8, с. 297].

фальшивой видимостью в руках «отцов» закона, чей лик меняется с развитием культуры. «Мир отцов, – пишет психоаналитик Э. Нойманн, – это мир коллективных ценностей; он историчен и связан с колеблющимся уровнем сознания и культурного развития группы» [9, с. 197]. Таким образом, фигура «духовного» отца наполняется новыми образами отцов, истинность помыслов которых герою предстоит открыть.

I would tip-toe round by the side of the church/ For a better view. Some fresh cement. / I trod as lightly there/ As a mere mortal at Grauman's Chinese Theatre. / An oxy-acetylene torch. / There were two false-bottomed/ Station-waggon. I watched Mr See-You-Later/ Unload a dozen polythene packs/ From one to the other. The Urgent Shipping Company. / It behoved me to talk to the local P. D. [5, p. 99].

Для того, чтобы изобличить бесовы козни «нечистой силы», лирический герой входит в церковь, в храм Бога, «как простой смертный» входит в знаменитый «Китайский Кинотеатр Граумана», перед входом которого в цементе на тротуаре сохраняются как реликвия отпечатки рук или ног чуть ли не всех кинозвезд Голливуда. В христианской символике «храм Бога» понимается как истинный храм Христа, внутрь которого мы должны войти.⁸ Войдя в «храм Христа», герой видит, что «дом Божий» является преступным логовом, одержимое нечистым духом – наркотическим зельем. Здесь, возможно, прослеживается параллель с библейской притчей «Иисус в храме»: «Иисус вошёл во двор храма и выгнал оттуда всех покупающих и продающих. Написано, – сказал Он, – «Дом Мой будет называться домом молитвы», а вы превратили его в разбойничье логово» (Матф. 21; 12, 13) [6]. Принять Слово Божье и следовать его наказам является тоже испытанием для Эго-сознания героя, поскольку стать учеником своего учителя, отца «небесного», означает стать овцой в волчьей стае. «Все вас будут ненавидеть из-за Меня, но тот, кто выдержит все до конца, – спасётся. Когда вас будут преследовать в одном селении, бегите в другое. Говорю вам правду: вы не успеете обойти и всех израильских городов, как придёт Сын Человеческий» (Матф. 11, 22, 23) [6]. Для «личностного» отца-ирландца героя эти преследования и гонения, о которых говорит Священное Писание, оказались пророческими и судьбоносными.

'My father, God rest him, he held this theory/ That the Irish, the American Irish,/ Were really the thirteenth tribe,/ The Israelites of Europe./ All along, my father believed in fairies/ But he might as well have been Jewish./ His laugh was a slight hiccup./ I guessed that Lieutenant Brendan O'Leary's/ Grand-mother's pee was green,/ And that was why she had to leave old Sribbereen [5, p. 99–100].

Родословная героя приоткрывает завесу исторической судьбы ирландцев, которые, как и евреи, подверглись гонениям на своей родной земле и вынуждены были искать убежище за океаном. Но кого следует бояться? Кем был преследуем отец, и от кого бежит его сын? Кто хочет его убить?

Now, what was all this about the Atlantic cabaret, / Urgent, the top floor of the Park? / When had I taken it into my head / That somebody somewhere wanted to see me dead? / Who? No, Redpath was strictly on the level. / So why, rather than drag in the Narcs, / Why didn't he and I drive over to Ocean Boulevard / At Eighteenth Street, or wherever? / Would I mind stepping outside while he made a call / To such-and-such a luminary at City Hall? [5, p. 100].

Ответы на вопросы героя может дать Святое Слово Иисуса Христа: «Не бойтесь тех, кто способен убить. Ведь они могут убить только тело, а души погубить они не могут. Бойтесь скорее того, кто может увлечь в ад и душу, и тело» (Матф. 11; 28) [6]. В поэме это божественное откровение раскрывается сценой искушения «дьяволом» властью «личностного» отца героя. «Дьявол привёл Иисуса на высокую гору. Оттуда он показал ему все царства мира во всей их красе. – Все это я отдам Тебе, – сказал он, – Если Ты поклонись мне!» (Матф. 4; 8–10) [6].

I counted thirty-odd of those brown-eyed girls/ Who ought to be in pictures, / Bronzed, bleached, bare-breasted,/ Bare-assed to a man, / All sitting, crossed-legged, in a circle / At the feet of this life-guard out of Big Sur / Who made an exhibition / Of his dorsals and his pectorals / While one by one his disciples took up the chant / The Lord is my surf-board. I shall not want [6, p. 100].

⁸ «Храм Бога – это оформленное Слово Божье; в храме Святого Духа Слово Божье учит. Мы должны войти в храм Иисуса Христа, вопреки всем проискам черта» (Якоб Бёме, 1575–1624) [7, с. 287].

Сатана обретає облик фарисея і учителя закону в одному лиці, котрому поклоняються і котрого славлять песнями обнаженні грішники.⁹ «Личностный» отец героя не читал Священного Писания Христа и поддался искушению «дьявола» и принял его «религию», «религию» преступного мира.

He went on to explain to O'Leary and myself /How only that morning he had acquired the lease/ On the old Baptist mission,/ Though his was a wholly new religion./ He called it The Way of The One Wave./ This one wave was sky-high, like a wall of glass,/ And had come to him in a vision./ You could ride forever, effortlessly./The Lieutenant was squatting before his new guru./ I would inform the Missing Persons Bureau [5, p. 100].

В прийнятті «нової» релігії кроється трагедія Північної Ірландії. Искуситель – 'guru' – некий «духовный учитель», направляет «личностного» отца героя, лейтенанта Brendan O' Leary, на путь насилия. Таким образом, созерцая себя в Иисусе, лирический герой овладевает сверхличностной мудростью божественного отца. «Я есть зеркало тому, кто созерцаем меня», – говорит Христос своим ученикам. «Если вы будете верны Моему учению», то «вы тогда узнаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8, 31–32) [6]. «Личностный» отец героя не признавал истину и стал рабом греха, предав Иисуса, как Иуда, чтобы получить за него шестьдесят тысяч долларов.

This was how it was. My father had been a mule. / He had flown down to Rio / Time and time again. But he courted disaster. / He tried to smuggle a wooden statue / Through the airport at Lima. / The Christ of the Andes. The statue was hollow. / He stumbled. It went and shattered. / And he had to stand idly by / As a cool fifty or sixty thousand dollars worth / Was trampled back into the good earth [5, p. 101].

Описание предательства Христа «личностным» отцом героя носит иронический характер, отражая парадоксально двойственную и противоречивую сущность «небесного» отца. Собственный отец героя украл статую Христа, которая стоит баснословные деньги. Но в аэропорту статуя разбилась и оказалась фальшивой. Шестьдесят тысяч долларов были втопты в землю. Как раб «дьявола», отец героя разгневал своего учителя за то, что не выполнил его поручение. Но он и разгневал «истинного» отца за то, что нарушил Закон Бога и, исполненный греха, предал Сына Человеческого. «Горе тому, кто предаст Сына Человеческого. Лучше ему было не родиться», – говорил Иисус своим ученикам (Матф. 26; 24) [6]. Наказание «небесного» отца неумолимо – «грех несёт вечную смерть» [6, с. 573]. «Личностный» отец героя пытается спастись бегством от смертного приговора, скрываясь под различными именами.

He would flee, to La Paz, then to Buenos Aires, / From alias to alias [5, p. 101].

Возможно, где-нибудь в Аргентине, он, всматриваясь в небо, ждёт второго пришествия Сына Человеческого с «пистолетом под подушкой». «Знамение Сына Человеческого будет видно на небе, и все народы земли будут рыдать. Они увидят Сына Человеческого, идущего на облаках небесных в великой славе и могуществе» (Матф. 24; 30) [6].

I imagined him sitting outside a hacienda / Somewhere in the Argentine. / He would peer for hours/ Into the vastness of the pampas. / Or he might be pointing out the constellations / Of the Southern hemisphere / To the open-mouthed child at his elbow. / He sleeps with a loaded pistol under his pillow [5, p. 102].

Через Слово Божье лирический герой осваивает отцовские нормы и законы. Они становятся для него его собственным супер-Эго¹⁰. Сознание героя, обращаясь внутрь, осознает

⁹ О лицемерии фарисеев и учителей закона говорит Слово Божье: «Вы, конечно, должны делать то, что они говорят, но делам их не подражайте, потому что они проповедуют одно, а делают другое. Они делают все лишь напоказ: их повязки с текстами из Писания на лбу и руках становятся все шире и бахрома на мантиях все длиннее. Им нравятся почётные места, на пирах и в синагогах. Они любят, когда их приветствуют на площадях и когда люди называют их «учитель». Вас же пусть не называют «учитель», потому что у вас один Учитель – Господь, а вы все – братья. Не называйте никого «отец», потому что у вас один Отец, который на небесах. Пусть вас не называют «наставник», потому что у вас один только Наставник – Христос» (Матф.23; 3–11) [6].

¹⁰ «Введение в мужскую обитель», где Эго осознает себя», – пишет психоаналитик Э. Нойманн, – «это «тайнство», вознаграждающее секретными знаниями, которые всегда окружают «высшую мужественность: ее содержание – дух, который появляется вместе со светом, солнцем, головой и глазом как символами сознания» [9, с. 298].

Самость, вокруг которой в бесконечном парадоксе тождественности и нетождественности вращается Эго. Встреча с Самостью происходит на верхнем этаже «Парк Отеля». Гостиница олицетворяет фаллическую, вертикальную устремлённость к верхней, духовной сфере; это «ось мира», которая связывает между собой человеческий мир и сверхличностный, божественный мир. А верхний этаж «Парк Отеля» является местом обитания божественного отца, символизирующего мир света и сознания. В поэме этим божественным отцом, вершителем людских судеб становится мафиозная фигура, миллионер Рэдпас, которому «личностный» отец героя должен деньги. Перед героем Рэдпас предстаёт немощным, больным отшельником, лежащим на «ортопедическом матраце»:

He was huddled on an old orthopaedic mattress, /
The makings of a skeleton, / Naked but
for a pair of draw-string shorts. / His hair was waistlength, as was his beard. / He was covered
in bedsores. He raised one talon. / 'I forgive you,' he croaked. 'And I forget. / On your way out,
you tell that bastard / To bring me a dish of ice-cream. / I want Baskin-Robbins banana-nut ice-
cream' [5, p. 102].

Немощность старика Рэдпаса объясняется приходом времени царствования его сына, который унаследовал от отца и укрепил своим воспитанием культурный канон ценностей, необходимый для развития цивилизации. Только «отцы», зрелые мужчины, представляют и укрепляют религиозную, этическую, политическую и социальную структуру коллектива. Фигура Рэдпаса представляет собой «отца» во множественном числе, но и олицетворяет то, что К. Юнг назвал архетипом «мудрого старца». Он является духовным наставником, носителем мудрости и исцеления. Под руководством Рэдпаса совершалось паломничество героя или процесс «индивидуации» личности. Из разрозненной, расщепленной, слабой личности родилась цельная (здесь следует поставить знак вопроса: ироническое повествование не даёт право на категоричное утверждение – Т.М.). Эта цельность личности складывается из представления о философском камне, который объединяет две противоположные сущности – горячую мужскую солнечную часть и холодную женскую лунную часть: 'banana-nut ice-cream', где «банан» символизирует мужской «фаллос», а «орех» – женскую половую сферу. Не нарушив ни одну из заповедей своего наставника, лирический герой становится свободным, ибо «Бог проявляет милосердие ко всем, кто приходит к Нему и просит о помиловании и прощении!» [6, с. 572]. 'I forgive you,' 'And I forget.' – проворчал Рэдпас. Супер-эго героя осваивает христианский принцип – «не своей воли ищущи, а воли Отца». Прощение отца не означает, что процесс индивидуации героя завершён: постигнуть «истинного» отца – символа Самости не дано человечеству, поскольку он сам воплощение Сатаны и Бога. Но в познании «Слово Божье» можно найти спасение, утешение и смирение.

Герой покидает гостиницу и, исполненный счастья, выполняет мифологическую задачу своего второго рождения, возвращаясь в бильярдную Фостера. Путешествие героя завершает последняя, тридцатая строфа поэмы, которая обогащается важным символическим смыслом. «Тридцать» – символический возраст полноты зрелости: в тридцать лет Иисус Христос выступает с возвещением мессианского времени (Матф. 4,17) и тридцать лет было Давиду, когда он воцарился.

Таким образом, образ Иисуса Христа, как и юнгианский психоанализ, подвергается иронизации поэтом в русле постмодернистского мышления. Но поиск символа Самости раскрывает религиозную философию поэта: один из путей спасения, психического преобразования человека лежит в его возвращении к Евангелистским постулатам, к этическому учению Христа. Именно «Слово Божье», по мнению Ю. Кристевой, «мобилизует интеллект и обладает потенциальными «психосоматическим обновлением личности» [10, с. 125].

Обращение к психоаналитическим теориям К. Юнга и Э. Эдингера позволяет увидеть новые возможности интерпретации образов персонажей, психологического конфликта между ними и выявить индивидуальные особенности творчества поэта Пола Малдуна.

Список использованных источников

1. Эдингер Э.Ф. Эго и архетип / Э.Ф. Эдингер. – М.: ООО Пента График, 2000. – 264 с.
2. Sharkey J. Celtic Mysteries / John Sharkey. – London: Thames and Hudson Ltd, 2013. – 128 p.

3. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ 1994. – 136 с.
4. Edinger E.F. Ego and Archetype: individuation and the religious function of the psyche / Edward F. Edinger. – Boston: Shambhala, 1992. – 328 p.
5. Muldoon P. Poems 1968–1998 / Paul Muldoon. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2001. – 479 p.
6. Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе. – Минск: Picorp, 1993. – 580 с.
7. Бидерманн Г. Энциклопедия Символов / Общ. ред. И.С. Свенцицкой, Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
8. Кольридж С.Т. Шекспировская поэзия. Из лекции VIII / Сэмюэл Тейлор Кольридж // Литературные манифесты Западноевропейских романтиков / под ред. А.С. Дмитриева. – М.: Издательство Московского университета, 1980. – 639 с.
9. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Эрих Нойманн. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 462 с.
10. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 347 с.

References

1. Edinger, E.F. Jego i arhetip [Ego and Archetype]. Moscow, OOO Penta Grafik Publ., 2000, 264 p.
2. Sharkey, J. Celtic Mysteries. London, Thames and Hudson Ltd Publ., 2013, 128 p.
3. Meletinskij, E.M. O Literaturnyh Arhetipah [On the Literary archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994, 136 p.
4. Edinger, E.F. Ego and Archetype: individuation and the religious function of the psyche. Boston, Shambhala Publ., 1992, 328 p.
5. Muldoon, P. Poems 1968-1998. New York, Farrar, Straus and Giroux Publ., 2001, 479 p.
6. Slovo ZHizni. Novyj Zavet v sovremennom perevode [Word of Life. The New Testament in Modern Translation]. Minsk, Picorp Publ., 1993, 580 p.
7. Biedermann, H. Dictionary of Symbolism. Moscow, Respublika Publ., 1996, 335 p.
8. Coleridge, S.T. Shekspirovskaja poezija. Iz lekcii VIII [Shakespeare's poetry. From lecture 8]. Literaturnye manifesty Zapadnoevropejskih romantikov [Literary manifestos of Western European romanticists]. Moscow, Moscow University Publ., 1980, pp. 296-297.
9. Neumann, E. Proishozhdenie i razvitie soznanija [The Origins and History of Consciousness]. Moscow, Refl-buk Publ., Kiev, Vakler Publ, 1998, 462 p.
10. Man'kovskaya, N.B. Estetika postmodernizma [The Esthetics of Postmodernism]. Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 347 p.

Статтю присвячено психоаналітичному підходу теорій К. Юнга та Е. Едінгера до вивчення сучасної північноірландської поезії на матеріалі поеми П. Малдуна «Іммрам». Автор аналізує психоаналітичні аспекти «подорожі» героя: процес «індивідуації» на шляху до досягнення архетипу Самості в контексті Нового Заповіту.

Ключові слова: П. Малдун, поема, психоаналіз, архетип, Самість, індивідуація, християнський міф, Новий Заповіт, постмодернізм.

This paper is devoted to the application of the psychoanalytic approach of Carl Jung's and Edward Edinger's theories to the study of the long poem 'Immram' by contemporary Northern Irish poet P. Muldoon. The author analyses the psychoanalytical aspects of the hero's journey such as some stages of the individuation or the realization of the Self through the teaching statements by Jesus Christ described in the Bible (the New Testament).

Key words: P. Muldoon, long poem, psychoanalysis, archetype, Christian myth, New Testament, the Self, individuation, postmodernism.

Одержано 3.03.2018.